

К 80-летию МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА РУТКЕВИЧА

2 октября 1997 года исполняется 80 лет известному ученому М.Н. Руткевичу, члену-корреспонденту РАН, члену редакционной коллегии журнала "Социологические исследования" со времени его основания в 1974 году. Сотрудник журнала встретился с юбиляром и попросил его ответить на ряд вопросов.

Обычно юбилей столь "внушительного" характера журналисты используют для того, чтобы расспросить "виновника" о прожитой жизни, пройденном пути в науке, о наиболее важных достижениях на этом пути, как они представляются автору. В данном случае, поскольку нам известно, что Вы пришли в социологию из философии, уместно спросить - чем был вызван этот переход?

- Последняя часть Вашего вопроса вынуждает меня признаться, что начал я не с философии, а с физики, притом 60 лет назад, когда на четвертом курсе физико-математического факультета Киевского университета получил от кафедры теоретической физики задание разработать математическую модель излучения электронов с поверхности плёночного катода. Эта работа была мною за год решена, послужила дипломной работой и была напечатана в 1939 г. в "Журнале экспериментальной и теоретической физики" - самом авторитетном в СССР физическом журнале. Но я смог прочитать ее в напечатанном виде уже не в Киеве, а в станции Пластуновской Краснодарского края, где дислоцировался 110 саперный батальон 74 стрелковой дивизии, исправно мотая обмотки, ежедневно меня ботинками густую черноземную кубанскую грязь, а заодно обучаясь искусству ставить мины, подрывать мосты, строить блиндажи и т.д.

- Чем был вызван столь крутой поворот в Вашей жизни?

- Как известно, биография всех людей моего поколения неразрывно связана с подготовкой страны к обороне и участием в Отечественной войне. Памятны слова Сталина, сказанные в 1931 году: "мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут". Как видите, сроки были предсказаны весьма точно. К сожалению, по многим объективным и субъективным (репрессии) причинам программа подготовки СССР к войне за выживание против фашистской Германии, поставившей целью завоевать для "высшей расы" "жизненное пространство" на Востоке, не была полностью выполнена. В начале войны танк Т-34 только начал сходить с конвейера, современных самолетов Яковлева, Лавочкина, Микояна, Ильюшина почти не было на фронтах в достаточном количестве, даже автомат в руках солдат был редкостью, преобладала мосинская винтовка 1891/1930 года... Но морально-политически наше поколение к войне было готово. Одним из существенных моментов этой готовности было Постановление Верховного Совета СССР от 31 августа 1939 года, которое отменило отсрочки от призыва на действительную военную службу многим категориям

молодых людей, в том числе аспирантам, а я только что был принят в аспирантуру.

- *И долго Вы служили в Советской армии?*

- Шесть лет, с 1939 по 1945 год. Война для меня началась 22 июня 1941 года, поскольку наша дивизия заранее была выдвинута в пограничную полосу возле р. Прут, на румынской границе и вступила в бой на рассвете этого памятного дня. Мне к этому времени было доверено командовать саперным взводом, хотя я был только старшим сержантом; офицерское звание присвоили впоследствии. И закончилось мое почти трехлетнее пребывание на фронте после пятимесячного сидения на "керченском пяточке", под Севастополем, который был освобожден 9 мая 1944 года, ровно за год до Победы. Войну я дослуживал в частях Московского и Уральского военных округов, а осенью 1945 с великим трудом демобилизовался...

- *Перед Вами было достаточно широкое поле выбора, можно было остаться в армии, дослужиться до высоких чинов и жить в почете, не так ли?*

- Кто однажды вкусил сладость и трудность научной работы, всегда будет стремиться к ней... Трудность выбора тогда состояла не в этом. Из армии я твердо решил уйти: одно дело выполнение гражданского долга во время войны, другое дело - выбор военной профессии в мирное время. Мне предстояло в 1945 году решить заново задачу, которая возникла много ранее - в 15-16 лет, при выборе будущей специальности: между естественнонаучной и гуманитарной областями знания. Поскольку это понадобится для ответа на поставленный Вами вопрос: "почему я пришел на рубеже 50-60-х гг. в социологию?", разрешите начать с общефилософской постановки вопроса: о соотношении стихийно сложившихся обстоятельств и воспитания, которое является как стихийным, так и направленным воздействием среды на индивида, с одной стороны, и свободного выбора этим самым индивидом путей для приложения своих сил в данных обстоятельствах - с другой.

- *Насколько я помню, этот вопрос находился в центре внимания Маркса в "Тезисах о Фейербахе"?*

- Совершенно верно. С усвоения труда Энгельса "Людвиг Фейербах", в т.ч. этой антиномии и путей ее разрешения, началось мое увлечение марксизмом в девятом классе. К счастью, "под рукой" оказался человек, который мог разъяснить данный и многие иные вопросы. Это был мой отец, Руткевич Николай Павлович, который в те годы заведовал кафедрой всеобщей истории в Краснодарском Пединституте. К тому же был знатоком политэкономии. Я тогда же прочитал его статьи с критикой теории "предельной полезности", которую австрийская школа экономистов (Бем-Баверк, Менгер) противопоставляла теории трудовой стоимости Маркса. И не только политэкономии, поскольку отец одновременно с Университетом св. Владимира (так до революции назывался Киевский университет) закончил также консерваторию. В длительных пеших прогулках по окрестностям Киева, с заходом в каждый древний храм с объяснением истории его появления и особенностей архитектуры, а впоследствии - по улицам и окрестностям Краснодара, мы вели беседы, из которых я почерпнул, право, больше, чем из всех школьных уроков, вместе взятых. Так определилась гуманитарная составляющая моего "Я".

Но имело место и другое, не менее сильное влияние. Мой дед по матери был хорошим шахматистом, встречался с Чигориним, принимал участие в турнирах... Мне в возрасте 4—5 лет, а к этому времени дед ослеп, было вменено в обязанность сопровождать его в прогулках от Андреевского спуска (ставшего теперь широко известным, поскольку на этой улице, чуть ниже нашего дома находился дом, где вырос М.А. Булгаков и происходит действие в "Днях Турбиных"), до знаменитой Владимирской горки и по ее аллеям. Дед научил меня особым способам быстрого счета в уме, например, возведению в квадрат четырехзначного числа, притом быстрее, чем взрослые дяди записывали задачу на бумаге. Будучи незрячим, он давал дома для наших знакомых сеансы одновременной игры на десяти досках. Естественно, я полюбил математику на всю жизнь; так появилась вторая составляющая моего интеллектуального "Я".

- Но вернемся к "Тезисам о Фейербахе", причем здесь они?

- Эти "Тезисы", и прежде всего третий, имеют к моим поискам прямое отношение. Маркс разрешает антиномию между силой обстоятельств и свободным выбором для **общества** в революционной практике, т.е. сознательной целенаправленной предметной деятельности, которая одновременно изменяет указанные объективные обстоятельства и само общество, как субъекта действия. Применительно к **индивиду** поначалу обстоятельствам и воспитанию, безусловно, принадлежит доминирующая роль. По мере взросления человека, превращения его в личность, свобода выбора цели для действия и действия по ее реализации возрастает, хотя спектр возможных решений все равно определяется, в конечном счете, обстоятельствами, их сплетением в каждый данный момент. В наибольшей мере свобода выбора проявляется в **критических точках**, когда, опять же, исходя из сложившейся ситуации, приходится выбирать вариант дальнейшего жизненного пути: сферы деятельности, места жительства, соединения своей судьбы с той или иной женщиной и т.д.

В первой "точке выбора" - после девятого класса, - я склонился к математике и неразрывно с нею связанной теоретической физике, в то время вышедшей на первый план в познании природы, и поступил (не имея школьного аттестата) на физико-математический факультет Киевского Университета. Удовлетворять "гуманитарные" наклонности приходилось иными путями: чтением классической и современной художественной литературы (очень увлекался я тогда поэзией Блока, Маяковского, Есенина, а также украинских поэтов-классиков XX века - Рыльским, Тычиной), чуть ли не ежедневным посещением филармонии либо оперного театра. В Киеве тогда был очень хороший симфонический оркестр, который летом выступал бесплатно в так называемом "Купеческом", а затем "Царском" саду, а билет на галерку в оперном театре стоил всего 30 копеек.

Во второй раз выбор оказался несравненно более трудным делом. Представьте себе старшего лейтенанта в возрасте 28 лет, снявшего погоны, но продолжавшего несколько лет ходить в офицерской форме без погон, женившегося на молодой женщине (тоже прошедшей войну в качестве добровольца в Уральском танковом корпусе), осевшего в Свердловске, где отец заведовал кафедрой и жили родители жены... Податься в "рідний Київ", где "наш" дом был разорен, имущество сгинуло? Я предпочел остаться на Урале. Главная

причина состояла в том, что к этому времени отец уже тяжело болел, он умер в 1949 году. Возобновлять аспирантуру по физике в новых условиях, тем более, что тематику предлагали иную, и очень многое пришлось бы учить заново, было рискованно. В этих условиях я избрал, как тогда казалось, оптимальный вариант: специализироваться по **теории познания**, которая в равной мере базируется на естественных и гуманитарных науках, поскольку изучает общие закономерности познавательного процесса и одновременно призвана выявить его специфику в различных отраслях научного знания.

- *И как же Вы организационно оформили этот выбор?*

- По совету и с помощью Д.И. Чеснокова, который тогда был заведующим кафедрой Свердловского пединститута и одновременно секретарем Горкома партии по пропаганде. Это был человек очень интересный, прекрасный лектор, автор отличной книги о мировоззрении Герцена. Вообще сочетание практической работы в сфере идеологии и профессиональных занятий философией в то время было весьма широко распространено. Например, академик Г.Ф. Александров, автор "Истории западноевропейской философии", которая стала предлогом для первой философской дискуссии в послевоенные годы, был одновременно зав. Агитпропом ЦК КПСС. И это не было искусственным сочетанием "по должности". Надо представлять себе духовный климат того времени, атмосферу массового энтузиазма, вдохновляемого идеей построения справедливого общества, а также захватившей перед войной и особенно во время войны самые широкие массы волны патриотизма.

Следует заметить, что массовые репрессии, пик которых пришелся на 1937—1938 гг., омрачали жизнь, существенно повлияли на общественные настроения, особенно "старой" интеллигенции, к которой я принадлежал по рождению и воспитанию. Наша семья серьезно пострадала от репрессий. Да и я дважды находился под угрозой отчисления из университета. Первый раз - по навету сокурсника, посчитавшего мои высказывания о Сталине излишне критическими; обошлось, но на семестр лишили стипендии. Второй раз, уже на пятом курсе - в связи с попыткой исключить из университета дочь репрессированного министра просвещения Украины Д. Затонского. Ссылаясь на лицемерный (ибо на деле он не соблюдался) лозунг: "сын (дочь) за отца не отвечает", я выступил на собрании против подготовленной деканатом резолюции об ее отчислении за какие-то надуманные грехи. Затонскую удалось отстоять, но меня долго "прорабатывали" и в аспирантуру пришлось поступать не в родном университете, а в АН УССР.

Война заставила всех честных людей забыть о прегрешениях власти. Стоял вопрос о самом существовании нашего народа и государства. Все силы людей на фронте и в тылу были напряжены до крайнего предела. Коммунистическая партия была стержнем всей организаторской и воспитательной деятельности, она сумела сплотить силы народа в кулак, и, несмотря на страшные потери, дать отпор врагу, стремившемуся физически уничтожить половину русских, украинцев, белорусов, а остальных либо загнать в Сибирь, либо превратить в рабов на их собственной земле для обеспечения благоденствия новых хозяев. Сочетание партийной работы, прежде всего в сфере идеологии с научной деятельностью в той или иной области гуманитарных наук было тогда

естественным делом. Я лично был подготовлен к такому повороту, поскольку в 1943 году вступил на фронте в партию и, занимая строевые и штабные должности, отдавал немало сил пропагандистской деятельности. И после демобилизации, работая инженером-исследователем на одном из многочисленных свердловских военных заводов, продолжал такую. Поэтому предложение Д.И. поработать лектором горкома партии, одновременно подготовить и сдать кандидатские экзамены и написать диссертацию под его руководством по теории познания пришлось мне по душе. К сожалению, мой шеф вскоре был переведен в Москву, а я для завершения диссертации был направлен на один год в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где и защитил оную в 1950 году.

- Какова же была ее тема и как продолжалась Ваша работа по философии в 50-е гг.?

-Тема называлась: "Практика- основа познания и критерий истины". Вскоре диссертация была под тем же названием издана в Политиздате большим тиражом и переведена на пять языков. Ее новизна заключалась в преодолении (хотя и неполном) господствовавшего в этой важнейшей области философского знания догматизма, который имел своим источником не только ограниченности, а подчас и нелепости сталинской работы "О диалектическом и историческом материализме" (вошедшей в виде составной части в "Краткий курс истории ВКП(б)"), но и вырванные из контекста фразы из ленинских "Философских тетрадей". Эти "Тетради" нельзя понять, не читая одновременно "Науку логики" и другие произведения Гегеля, которые Ленин осваивал в 1915—1916 гг. в Швейцарии, "переводя" гегелевские идеи на материалистический язык и сопровождая конспектирование глубокими замечаниями. Примером указанного упрощения может служить тезис о "практике как третьей ступени процесса познания", усердно пропагандировавшийся в то время многими философами, в том числе автором популярных тогда учебников проф. М. Розенталем, произвольно толковавшими одну цитату из Ленина. Во время защиты диссертации между автором и официальным оппонентом, а им был именно Розенталь, возникла весьма острая дискуссия, которая могла бы закончиться для диссертанта плачевно, но большинство Совета проявило добросовестность и терпимость.

На протяжении 50-х гг. я продолжал работать над проблемами теории познания и диалектики, без которой, на мой взгляд, ни одна гносеологическая проблема не может быть не только решена, но и правильно поставлена. Особенно это касается роли практики в познании, поскольку она выступает одновременно как исходный пункт познавательного процесса, его основа, его цель (в конечном счете) и вместе с тем определитель, критерий истинности наших знаний, их соответствия объекту, его свойствам, его связям с другими объектами, тенденциям его развития.

Известные итоги этого периода были подведены к концу 50-х гг., когда появились в свет две книги. Первая - коллективный труд под моей редакцией, написанный совместно с учеными Института философии АН СССР (Л. Митрохин, В. Козютинский, И. Новик и другие) под названием "Диалектический характер критерия практики" (М., Соцэкгиз, 1960). В нем были рассмотрены

особенности способов добывания и проверки истины в различных областях естествознания, от базирующихся на эксперименте, как физика, до использующих инструментальное наблюдение, как астрономия, а также общественных наук - от археологии до политэкономии. Здесь весьма кстати оказалась полученная мною на физмате "закваска". К работе над этой книгой удалось привлечь естествоиспытателей из Уральского Филиала Академии наук (УФАН), с которыми у меня были тесные связи, поскольку совместно с акад. СВ. Вонсовским, С.С. Шварцем и другими крупными учеными пришлось принимать участие в руководстве методологическими семинарами в институтах Филиала (на базе которого выросло Уральское Отделение РАН). Другим итогом этого десятилетия явился учебник, написанный на основе многолетнего чтения курса диалектического материализма на естественных факультетах УрГУ. Он был издан в "Мысли" большим тиражом в 1959 и переиздан в 1960 г., многие студенты по всему Союзу по нему изучали философию марксизма. По новым моментам в построении системы категорий диалектики и системы гносеологических категорий, изложенным в этом и других трудах, мною была защищена в январе 1961 года в Институте философии АН докторская диссертация; профессорское звание было присвоено годом ранее.

- Но к этому времени, началу 60-х гг., насколько я помню, Свердловск уже получил известность как один из центров возрождавшейся после XX съезда социологии. Помнятся Ваши выступления в "Философских науках" по социологическим проблемам, а также один из первых капитальных трудов обобщающего характера "Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса" (М.: Соцэкгиз, 1960). Вы принимали в нем участие?

- Да, самое непосредственное. В этой связи следует упомянуть еще об одном крупном философе, оказавшем большое влияние на развитие философской и социологической мысли на Урале. С благодарностью свердловчане (ныне ставшие, как встарь, екатеринбуржцами) вспоминают деятельность М.Т. Иовчука, который был "сослан" Г.М. Маленковым на Урал за то, что, будучи секретарем ЦК КП Белоруссии, поставил подпись под сочувственным некрологом о погибшем в Минске народном артисте СССР С. Михоэлсе (который стал жертвой отнюдь не несчастного случая). Ссылка была обидной, но предоставила ему простор для активной научной деятельности на посту зав. кафедрой философии УрГУ. М.Т. Иовчук развернул исследования не только по истории русской философии, он также дал толчок для развития социологических исследований на Урале. Упомянутая книга вышла под редакцией М.Т. Иовчука, чл.-корр. В.С. Кружкова (тоже временно "сосланного" в Свердловск), известного экономиста Г.А. Пруденского, тогда ректора Политеха, Л.Н. Когана и моей. Она подвела черту под самым первым этапом развития социологических исследований в Свердловске и поставила передо мной в третий (и последний) раз необходимость выбора поля последующей деятельности.

- Я чувствую, что мы как будто подошли вплотную к социологии, как основному Вашему увлечению последних десятилетий?

- Этот переход совершился постепенно. С одной стороны, я не мог полностью расстаться с философской проблематикой и до сих пор отдаю ей дань. Например, в 1995 г. вышла в свет в "Мысли" наша с И.Я. Лойфманом

монография "Диалектика и теория познания". Связи философии и социологии в моих интересах способствовало еще одно важное обстоятельство. В 1965 году на базе колоссально выросшей кафедры философии Университета, при которой уже существовала социологическая лаборатория и десятки аспирантов защитили диссертации, нам удалось добиться открытия третьего в РСФСР (после Москвы и Ленинграда) философского факультета, который с момента своего основания специализировал студентов также и по социологии. Мне, как его бессменному на протяжении семи лет декану приходилось уделять много времени оргвопросам. Кроме того я не мог уйти от искушения прочесть студентам нового факультета лично разработанный полный (двухгодичный) курс лекций по собственно философии, тогда это был курс диалектического материализма (он был издан в "Мысли" только в 1973 году). С другой стороны, в собственно исследовательской работе меня все более привлекала социология. И дело, конечно, не в "моде", как ныне нередко говорят. Теоретическая социология является, на мой взгляд, **синтетической** наукой об обществе, в ней находят обобщение под определенным углом зрения данные всех без исключения общественных наук. Действительно, рассмотрение общества (социума) как системы требует выяснения **связей** между частями этой системы (подсистемами) - от экономики до культуры, от семьи до современной нации. Рассмотрение общества в его **развитии** предполагает сравнительный анализ параллельно существующих, равно как исчезнувших цивилизаций по разным параметрам, а также выявление движущих сил исторического **прогресса**. Как бы его не толковали и даже оспаривали различные школы мысли, на мой взгляд, прогресс объективно существует. Наконец, теоретическая социология имеет своей центральной проблемой взаимоотношение **субъективных** факторов в поведении людей и факторов **объективных**, от воли и сознания действующих лиц не зависящих.

Особенность социологии также в том, что она содержит "внутри себя", подобно физике, все "этажи" познавательной деятельности - от эмпирии (как взятой из других областей, так и собственной, добытой, например, в ходе изучения общественного мнения) вплоть до общей социологической теории, именно о ней шла речь выше. Но этот путь, как и всякий путь "наверх" в научном познании от эмпирии к теории, от **единичного** ко **всеобщему** лежит через бесконечную цепочку **особенного**, роль которого в социологии выполняют так называемые частные социологические теории. Коротко говоря, меня социология привлекла, прежде всего, возможностью творческого применения диалектики и теории познания к столь сложному и специфическому объекту, как общество.

- Но только ли научными интересами можно объяснить свершившийся в конце 50-х и развернувшийся в 60-е гг. поворот многих, столь различающихся по характеру предшествующей деятельности, склонностям и т.д. ученых к социологии, притом во всех углах необъятной страны? По-видимому, ими двигали не только личные научные интересы, но и некая общественная потребность?

- Несомненно. Об этом хорошо написал Н.А. Аитов в недавней рецензии на "Социологию России", подготовленную в Институте социологии РАН. Аитов,

безусловно, прав в том, что развитие социологии шло в те годы параллельно и независимо друг от друга во многих центрах, а не только в столицах, в том числе в Свердловске, Уфе, Перми на Урале; во многих сибирских городах, притом не только в новосибирском Академгородке, но и Красноярске, Барнауле, Омске и т.д.; на Украине и в Белоруссии, в республиках Прибалтики, в Грузии и многих других регионах единого тогда многонационального государства. Связи между этими центрами устанавливались не только через Москву, но и непосредственно: на всесоюзных и всероссийских конференциях по социальной структуре, проблемам молодежи, социальному планированию, при создании региональных отделений ССА, наконец, посредством участвовавших личных контактов. В Свердловске, например, установились весьма тесные связи с Эстонией (М. Титма) и Киргизстаном (А. Табалдиев).

Все эти факты свидетельствуют о **примате общественной потребности**. Советское общество, долгие годы находившееся в ситуации строгого идеологического контроля и закрытости социальной информации, жаждало познать себя. Социология оказалась одним из наиболее заманчивых и действенных способов самопознания. Но дело не только в познавательном интересе. "Косыгинская реформа" 1965 года, появившаяся в качестве практического ответа, хотя весьма запоздалого и куцега, на дискуссию о соотношении плана и рынка в первой половине 60-х гг., предоставила предприятиям и организациям известную степень хозяйственной самостоятельности. В развитии **социального планирования** приняли участие экономисты, правоведаы, психологи, специалисты многих других областей науки, однако ведущая роль в ней принадлежала социологам. Подробнее о роли социального планирования в развитии советской социологии я писал неоднократно, в том числе в статье, посвященной 20-летию нашего журнала (см. Социс, 1994, № 6).

- *В чем заключалась Ваша личная роль в развитии этого направления?*

- На Урале я участвовал в составлении многих планов социального развития коллективов больших предприятий. Появилась нужда в обобщении накопленного на местах опыта. Под эгидой профсоюзов была начата подготовка, получивших впоследствии одобрение ВЦСПС, типовых методик по социальному планированию для предприятия, города, отрасли хозяйства. Я входил в авторский коллектив и редколлегию всех трех этих методик, широко использовавшихся впоследствии по всей стране, а в одной из них возглавлял авторский коллектив (в двух других главой был член-корреспондент АН СССР Д.А. Керимов).

- *Сводилось ли Ваше участие в социологическом движении тех лет к социальному планированию? Помнится, что именно в Свердловске вышла одна из первых книг, обобщавших опыт социологических исследований по проблемам молодежи. В Свердловске же состоялась вторая всесоюзная конференция по проблеме изменения социальной структуры советского общества в 1971 году, где Вы выступили с заглавным докладом.*

- Вы правы. Именно в те годы у меня сложился стойкий интерес к трем направлениям в социологии. Во-первых, общей теоретической социологии, иначе макросоциологии, о чем уже было сказано выше. Во-вторых, к теории со-

циальной структуры, которая является не только частной социологической наукой, но и важнейшим пунктом общей теории. Действительно, если общество суть система, то ее изучение предполагает познание элементов системы в их взаимосвязи, а последняя суть не что иное, как структура. Естественно, этот теоретический вопрос необходимо было изучать прежде всего в конкретном обличье - того общества, в котором мы жили, к тому же советское общество существенно отличалось от сосуществующих во времени на Западе и Востоке. В-третьих, социальная структура вообще, социально-классовая, в частности, находится одновременно в процессе *воспроизводства*, осуществляемого в смене поколений, через вхождение молодежи в жизнь, и в процессе *развития*, ибо в современных условиях быстрых изменений во всех областях жизни общества, особенно в производстве и способах передачи информации, каждое новое поколение, приспособляясь к изменившимся обстоятельствам, приобретает черты, существенно отличающие его от предшествующего поколения. Таким образом все три проблемы, которые меня интересуют и сегодня, были начаты разработкой во времена далекие и тогда же "застолблены" в ряде трудов и выступлений. Я продолжал над ними работать с разной степенью интенсивности и после переезда в Москву в 1972 году.

- *Вы переехали в Москву, будучи приглашены на должность директора Института социологических исследований Академии наук СССР и пробыли в этой должности четыре года. Чем объяснить сравнительно недолгий срок Вашего пребывания на этом посту?*

- Прежде чем ответить с полной откровенностью на этот нелегкий вопрос, я хочу заметить, что никогда в жизни не работал столь интенсивно, как в эти годы. Приезжая в Институт к девяти утра и уезжая обычно оттуда поздно вечером, всей душой стремясь принести пользу делу, никогда ранее (и позднее) не был столь мало удовлетворен результатами собственной деятельности. Превращение раздираемого склоками Института Конкретных Социальных Исследований (ИКСИ) в нормально функционирующий исследовательский центр - Институт Социологических исследований (ИСИ), призванный выполнять к тому же функции головного, осуществляющего координацию в Союзе, оказалось очень трудной задачей. Многое позитивное, тем не менее, было достигнуто, в том числе в организации интересных всесоюзных и международных исследований, проведении научных конференций, участии во Всемирном социологическом Конгрессе в Торонто и т.д. Не мне судить о появившихся за этот срок десятках книг, в которых нашла обобщение исследовательская работа коллектива. Но создание фактически нового академического учреждения - процесс, требующий времени.

Я столкнулся с трудностями двоякого рода: "снизу" и "сверху". "Снизу" - поскольку стремился "навести элементарный порядок" ("нэп") - вопреки сопротивлению бездельников, в большинстве своем людей, далеких от социологии, которые появлялись в институте только в день получения зарплаты. Имело место известное недопонимание и с некоторыми социологами, решительно избежавшими дискуссии по теоретическим вопросам на Ученом Совете (например, Б.А. Грушиным, которому следовало бы защищать свою позицию после критики акад. А.Д. Александрова в "Вестнике АН"). Все это постепенно утря-

салось. Но тем сильнее чувствовались трудности "сверху" со стороны Отдела науки ЦК КПСС в лице "приближенного" к генсеку СП. Трапезникова. А он, в согласии с вице-президентом Академии, курировавшим общественные науки - акад. П.Н. Федосеевым, продолжал придерживаться воззрения на социологию, во-первых, как на чисто прикладную, "конкретную" науку, которая призвана поставлять исходный материал для партийных документов, решений вышестоящих органов, а также для корифеев теории научного коммунизма - того же Федосеева, лепившего одну за другой толстые книги в роскошных переплетах (с помощью штата помощников, конечно). И, во-вторых, в добывании этого материала работники Института, как и все социологи вообще, не должны были выходить за вполне определенные жесткие рамки. Я же придерживался мнения, сложившегося на Урале при весьма благоприятной позиции местных партийных органов, что социология должна формулировать теоретические обобщения, а не только давать конкретные рекомендации органам управления, и, далее, не посягая на военные тайны, вправе исследовать всю гамму общественных настроений, в том числе негативных, касаться проблем весьма болезненных без риска "получить по рукам". Впрочем, иначе обстояло дело во многих центрах на периферии, например, А. Габиани еще тогда смело исследовал распространение наркомании в Грузии.

Конфликты с руководством учащались и, в конце концов, вылились в публичное поношение директора Института на большом совещании в ЦК за поистине "страшную" провинность: в анкетах, разосланных с моего ведома одним из секторов Института **руководителям** (не населению!) республик, краев и областей РСФСР, содержался вопрос: как влияют недостатки в снабжении населения (а они в то время стали притчей во языцех) на миграцию населения? Меня обвинили в "протаскивании методов буржуазной социологии", что означало выражение недоверия. Последовало заявление об отставке, которое было с удовольствием принято, и я перешел в Академию общественных наук, а затем в Академию народного хозяйства и смог "подогнать" собственную научную работу, сосредоточиться на разработке указанной выше проблематики, а также готовить научные кадры. Лично мною в итоге подготовлено 70 кандидатов и более 10 докторов наук.

- *Каковы же "предварительные итоги" Вашей научно-исследовательской деятельности по упомянутым выше направлениям?*

- Опубликовано более 450 научных трудов, в т.ч. пятнадцать собственных (либо вдвоем) монографий и десятки коллективных трудов, где я выступаю в качестве главного редактора и автора ключевых разделов. Коснусь только узловых трудов и основных идей, в них высказанных.

По проблемам общей теоретической социологии наиболее полно моя позиция изложена в двух книгах. Это "Диалектика и социология" (М., Мысль, 1980) и вышедшая в 1995 г. в издательстве Института философии РАН "Макросоциология. Методологические очерки". По проблемам социальной структуры, кроме глав в указанных двух книгах, следует упомянуть труды по советской интеллигенции (Политиздат, 1977) и по проблемам преодоления социальных различий на этапе, когда СССР уже вступил в полосу возрастающих труд-

ностей (Политиздат, 1982). Что же касается современных процессов изменения, ломки социальной структуры, наступившей после развала Союза и перехода к "шоковой терапии", то следует выделить статью "Социальная поляризация", написанной весной 1992 года на заре "гайдаровских" реформ и напечатанную в журнале (Социс, № 9, 1992). В ней по свежим следам событий мною, пожалуй, первым было предсказано дальнейшее углубление **социальной поляризации** российского общества и подвергнуты критике упования нынешних российских идеологов либерализма на скорое создание "среднего класса", как социальной опоры режима.

За истекшие с той поры пять лет этот прогноз более чем подтвердился. Пропасть между богатством и бедностью, вызывающей роскошью "новых русских" и нищетой четверти населения находит наглядное выражение в росте так называемого децильного коэффициента. По заниженным официальным данным он достигает 13-15, в то время как превышение отметки 10 рассматривается как порог нестабильности. На деле этот разрыв больше, а по уровню зарплаты он достигает 25-30. Впрочем, находятся социологи, которые пытаются "смазать" социальные противоречия периода становления "дикого", криминального, периферийного по отношению к Западу капитализма. Т.И. Заславская при обработке данных всероссийского опроса ВЦИОМ о самооценке населением своего материального положения сознательно исключает из рассмотрения "верхний дециль" (т.е. 10% наиболее обеспеченных) при обрисовке общей картины, в результате чего последняя искажается.

В последующих выступлениях в печати, в том числе в нашем журнале (см. № 7, 1997), процессы социальной поляризации, с учетом их развития в условиях системного кризиса, рассматриваются мною многоаспектно, включая растущие различия и противоречия в отраслевом и региональном разрезе. Это дает основания для теоретико-социологического вывода: рост социальной дифференциации, если он происходит при потере управляемости и не сдерживается одновременным усилением интеграционных тенденций, приводит к дезинтеграции общества, создает реальную угрозу его целостности, способствует распаду федеративного государства.

Что же касается проблем вступления молодежи в жизнь, то это направление предполагает эмпирические исследования достаточного масштаба. На основе опросов, проведенных в Свердловске и области, под моей редакцией вышла книга "Жизненные планы молодежи" (изд. УрГУ, 1966) и совместный в Ф.Р. Филипповым труд "Социальные перемещения" (М., Мысль, 1970). Впоследствии совместно с Л.Я. Рубиной, продолжившей этого рода исследования на Урале и за его пределами, мы выпустили в свет книгу "Общественные потребности, система образования, молодежь" (Политиздат, 1988). Если в первой была подвергнута критике "хрущевская" реформа школы 1958 года, то во второй - "алиевская" реформа 1984 года.

Масштабные эмпирические исследования по этой проблеме удалось возобновить, благодаря помощи Ю.М. Забродина, на базе Всероссийского научно-практического центра профориентации и психологической поддержки населения Минтруда РФ. В 1993 году был произведен по обширной программе первый опрос выпускников "основной" (9 кл.) и средней (11 кл.) школы в 25 городах

Российской Федерации с охватом всех основных регионов страны. При этом в каждом центре были взяты: школа в центре города, школа на окраине и гимназия (либо лицей). Первые результаты были изложены в книге, написанной совместно с В.П. Потаповым, "После школы. Опыт социологического исследования" (М., Знание, 1995). В ней была подвергнута критике реформа системы образования 1992 года, в частности, показано, что она ведет к появлению школ "для бедных" и "для богатых", способствует массовому выбытию из школы детей и подростков, транслирует социальную дифференциацию на следующее поколение и тем способствует закреплению социального неравенства.

- Каковы Ваши дальнейшие планы?

- Несмотря на возраст и связанные с ним всяческие недуги, я намерен продолжить работу по этим трем направлениям, поскольку жизнь дает нам ежедневно новый материал для исследований и раздумий. С одним из областных издательств достигнуто принципиальное согласие о подготовке второго, расширенного и переработанного издания "Макросоциологии". По предложению директора ИСПИ РАН акад. Г.В. Осипова мы с проф. В.И. Староверовым работаем над большой книгой: "Трансформация социальной структуры российского общества". Наконец, упомянутое выше эмпирическое исследование под эгидой ВНИЦ Минтруда продолжается пятый год; на нынешнем этапе оно поддержано Российским Гуманитарным Научным Фондом. Некоторые итоги трех лет были подведены в моей статье (см. Социс, №№ 11, 12, 1996). После завершения исследования в этом году я рассчитываю на поддержку упомянутого Фонда в деле издания монографии, в которой надеюсь выявить тенденции развития общеобразовательной школы в 90-е гг., изменения в планах жизнеустройства ее выпускников и в реализации этих планов, сдвиги в системе нравственных ценностей молодежи - и все это в динамике за пять бурных и трудных лет, прожитых нашей страной.

- Разрешите завершить нашу беседу традиционным вопросом: каково Ваше мнение насчет положения, сложившегося в российской социологической науке в настоящее время?

- Я не являюсь сторонником однозначных оценок сложных явлений. Благодаря развитию социологического образования и доступности иностранной литературы, в частности, переводам на русский язык трудов классиков социологической мысли и представителей самых различных течений современной социологии, выросло новое поколение социологов, достаточно профессионально подготовленных, свободных от идеологических шор. Это хорошо. Но всякое явление имеет помимо плюсов минусы. К ним следует отнести, на мой взгляд, распространение методологической "всеядности". Под ней я понимаю, конечно, не знание в деталях различных направлений мысли, а их смешение, "совмещение" в одной голове самых разных концепций с надеждой на то, что из каждой можно извлечь "кусочек истины" при их применении к конкретной исследовательской задаче. Моя точка зрения на этот предмет была выражена в полемике с В.А. Ядовым в "Социологическом журнале" (№№ 1-2, 1996). Возражения уважаемого оппонента меня ни в чем не убедили. Эклектика она и есть эклектика, даже если ее называть постмодернизмом или "мультиоре-

тическим подходом". Более того, механическое совмещение разных точек зрения на один и тот же предмет сродни, на мой взгляд, расщеплению сознания. Нечеткость теоретических представлений не может способствовать глубокому исследованию реальных процессов, особенно в условиях резкого обострения социальных и национальных противоречий.

Другая опасность связана с условиями научной деятельности. Вся российская наука балансирует на грани гибели, теряет достигнутые позиции из-за отсутствия у государства средств на ее поддержание. Это полностью относится и к социологии. Большие проекты дорого стоят, они сворачиваются или свернуты. Но в одной области эмпирическая социология получила доступ к весьма щедрому финансированию. Это изучение общественного мнения, особенно в связи с президентскими, думскими, региональными и т.д. выборами. К сожалению, иные социологические "фирмы" излишне стремятся угодить своим заказчикам и выдают "на гора" полученные с помощью примитивной методики данные, которые должны "работать" на желаемый результат. Не избежали односторонности даже весьма уважаемые центры по изучению общественного мнения, например, ВЦИОМ. Что же говорить о "конторах", чья финансовая связь с "донорами" прозрачна? Не случайно основная масса читателей прессы, зрителей TV, радиослушателей перестала доверять социологам, хотя, конечно, сводить социологию к эмпирии, а последнюю к опросам электората никак невозможно.

На мой взгляд, главной задачей социологической науки сегодня является выработка реального пути спасения России от надвигающейся катастрофы, обоснования путей выхода из затянувшегося кризиса, в том числе при выработке сценариев среднесрочного прогноза на 1998-2005 годы. Решать эту задачу можно и нужно в тесном взаимодействии с экономистами, учеными других областей знания. Пока что в появляющихся прогнозах и сценариях заметной роли социологов не видно.

- *И что хотелось бы Вам сказать в заключение нашей беседы?*

- В заключение, будучи ровесником Октябрьской революции, я хочу поздравить читателей журнала с ее предстоящей 80-летней годовщиной. Хочется верить в то, что наука поможет народным массам преодолеть усердно внушаемые СМИ негативные ее оценки, равно как и слепое славословие прошлых времен, с тем, чтобы осознать ее подлинное историческое величие как одного из поворотных пунктов в истории нашей Родины и всего человечества в его движении к обществу социальной справедливости.